

Виктор КАЗАКОВ

**СОЛО
НА
БАРИТОНЕ**
ПОВЕСТЬ

Виктор Казаков
Соло на баритоне

«Книга-Сэфер»

2015

Казаков В.

Соло на баритоне / В. Казаков — «Книга-Сэфер», 2015

Писатель Виктор Казаков в своих книгах продолжает лучшие традиции русской прозы. Виктор Казаков рисует образы наших современников, на чью долю выпало жить в эпоху перемен, и пишет о том, что его больше всего волнует – о проблемах нравственности. Последние годы писатель живет в Праге, откуда с тревогой и болью следит за событиями, происходящими в России.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виктор Казаков

Соло на баритоне

Глава первая

Перелет

1.

Уже пожилой человек Василий Егорович Дорошкин вечером 24 мая 2007 года (эта дата на некоторое время запомнится близким Василию Егоровичу людям) лег спать и, в ожидании сна, задумался над прожитой им жизнью. Задумался без какой-либо ясной цели и даже без заметного желания в этот поздний час предаваться бесполезному занятию, но... так уж получилось. И, человек скромный и честный, к тому же совсем не глупый и способный *обобщать факты*, через некоторое время наш герой пришел к выводу, о котором смутно догадывался и раньше: жизнь свою он прожил *не так*.

В отличие от ученых мужей, которые, служа в академиях, зарабатывают себе на хлеб поисками смысла жизни (до сих пор этого смысла они не нашли, но поиски продолжаются), Дорошкин смысл своей жизни сформулировал давно: смысл вовсе не в честолюбивом желании оставить след в истории человечества или хотя бы в отечественной истории, – след оставляют единицы, миллионы же, среди которых было много людей умнее и талантливее его, Дорошкина, незаметно навсегда ушли из памяти людей. По Дорошкину, смысл жизни – в деле, результаты которого приносили бы ему радость.

Простим герою эгоистичность этого кредо; формулируя его, он, действительно, мало заботился о человечестве и думал в основном о себе. И старался жить, по мере сил приближая ту личную жизнь, которая представлялась ему правильной.

И вот вывод: *не так...*

Пожалев себя и вздохнув, Василий Егорович почувствовал, что сон, подобравшись, наконец, к его подушке, утяжелил веки и стал путать его и без того запутанные мысли. Он еще раз вздохнул, протянул руку к стене у изголовья, потушил висевшее над головой бра и укрылся легким одеялом. И тотчас же заснул.

И не проснулся.

2.

Трое крепких парней, как близнецы похожих друг на друга (крутые плечи, узко расставленные черные глаза, длинные носы, над глазами мохнатые, будто свисавшие края черных кавказских папах, брови, широкие азиатские скулы), молча связали Дорошкину руки, при этом один из них не зло предупредил:

– Сопротивление бесполезно.

– Да я и не буду, – дрожа от испуга, жалким выдохом прореагировал на те слова Дорошкин, но уже через минуту, слегка приободрившись, все-таки спросил:

– А вы кто, господа?

– Много будешь знать...

– Быстро состарюсь? Да я и без вас уже...

Настаивать на ответе на свой вопрос Дорошкин на всякий случай поостерегся и, подчинившись жесту одного из стражников («наверно, старший»), молча пошел по заросшей эдельвейсами круто поднимающейся вверх тропинке.

Старший шел впереди, и его можно было хорошо рассмотреть. Голову стражника покрывал шлем, похожий на «буденовку», только цвет шлема был не мышинный, а серо-серебристый, – такого цвета была палатка, которую в молодости Дорошкин брал с собой в путешествия по горам; на ногах были тяжелые черные ботинки (в последние годы армия в похожую обувь обмундировывала своих воздушных десантников; приобрести такие ботинки Дорошкин давно мечтал, потому что цивильные штиблеты на нем всегда быстро изнашивались); остальную часть широкоплечей фигуры стражника укрывал просторный черный плащ, небольшим горбом выпиравший возле лопаток. «Наверно, под плащом рюкзак», – подумал Дорошкин.

«Двое младших, кажется, одеты так же», – шагая, старался вспомнить Василий Егорович, но оглядываться побоялся.

Извиваясь между большими камнями, тропинка поднималась прямо к вершине горы; Дорошкин тяжело дышал и слышал хриплое дыхание шедших сзади стражников.

Часа через два все были на вершине, и старший объявил привал. Один из его помощников молча развязал Дорошкину руки и жестом разрешил сесть рядом с остальными, возле большого плоского камня.

На камне через минуту появились три алюминиевые миски с дымящейся в них перловой кашей. Когда Дорошкин (молодым, еще плохо обученным военному делу) служил в артиллерийском полку, блюдо это, в солдатской среде именовавшееся «шрапнелью», было главным в армейском меню... Дорошкину вдруг сильно захотелось есть, но на камне стояли только три миски, и наш герой скромно отвернулся от камня и стал рассматривать ландшафт.

В природе Василию Егоровичу больше всего нравились горы. Степи казались ему скучными и однообразными, долго смотреть на них было неинтересно. Впрочем, море нашему герою тоже нравилось, а больше всего он любил, когда рядом были и море, и горы.

Место, где стражники остановились пообедать, Дорошкину понравилось. Вершина горы была сплошь завалена огромными валунами, здесь уже ничто не росло; метрах в ста ниже зеленел заросший высокой травой и разными цветами альпийский луг, за ним чернел еловый лес, а справа и чуть выше слепили глаза снег и ледники; ледники даже ярче снега блестели на солнце, и было видно, как по уже проложенным водой руслам вниз бегут, серебрясь, ручьи. «Вода в ручьях несоленая; такой она на протяжении нескольких километров будет и в речках, истоки которых – вот в этих ручьях... На Тянь-Шане я не мог такой водой напиться»...

Размышления Дорошкина прервал голос старшего:

– Ну, а ты что бы поел?

Василий Егорович вопросу обрадовался, но с ответом суетиться не стал, сначала покопился на перловую кашу в мисках и неожиданно для самого себя сказал:

– Борщ.

Никто из стражников заказу не удивился, только старший стал уточнять:

– Со свининой? Сметаной?

– И хлеба. Бородинского.

Старший обернулся к одному из подчиненных и подал тому непонятный Дорошкину знак. Дорошкин проследил за движением подбородка старшего, а когда опять посмотрел на камень, там уже дымилась керамическая миска с горячим борщом, издававшим знакомые пряные запахи. Рядом лежали деревянная ложка и большой кусок черного хлеба.

За все удовольствия, которые случались в жизни, Дорошкин привык расплачиваться сам. Вот и сейчас он осторожно ощупал себя, чтобы убедиться, что кошелек, куда он вчера на почте положил пенсию за последний месяц, не потерялся и, как всегда, лежит во внутреннем кар-

мане куртки. В это время старший, как видно, догадавшись о возникшей у Василия Егоровича заботе, успокоил:

– Деньги не понадобятся. У нас все бесплатно.

Ели молча; стражники, по наблюдению Дорошкина, – без особого аппетита...

Пока длится этот недолгий высокогорный обед, познакомим читателя поближе с нашим героем.

Дорошкин, каким мы его сейчас видим с миской борща в руках, одет по-летнему и буднично – на нем легкая, но непромокаемая серая куртка, тонкий свитер из черной натуральной шерсти, джинсы, на голове – сетчатая, тоже серая, шапочка с длинным козырьком (летом такая шапочка предохраняет от слишком щедрого солнца), на ногах – недавно купленные в фирменном магазине «Саламандра» мягкие коричневые туфли. Василий Егорович среднего роста, круглолиц, курнос и, как уже знает читатель, немолод. Время постепенно вылепило его новый портрет, и тот, кто знал нашего героя, например, в студенческие годы (строен, гибок, худощав, черный густой чуб, прикрыв широкие брови, навис над карими глазами), сейчас не узнал бы его. На огрубевшем, скуластом лице – сетка морщин, на голове – редкие седые волосы, глаза, цвет которых уже трудно угадать, часто слезятся, там, где когда-то от лишнего веса защищал мощный брюшной пресс, вырос небольшой животик, впрочем, малозаметный сейчас под серой курткой...

К концу обеда Дорошкин все-таки решился задать вопрос, который давно вертелся у него на языке, но так и не смог обрести нужной дипломатической формы:

– Куда вы меня ведете, господи?

Пряча ложку за пазуху, старший, глядя на облака в небе и, как видно, думая о чем-то своем, равнодушно ответил:

– Сам знаешь...

Дорошкин ничего сам не знал, пожал плечами и отдал ложку и пустую миску одному из стражников.

И стал ждать, когда ему опять свяжут руки и поведут дальше.

«Теперь, наверно, вниз, под гору».

Спускаться по камням Дорошкину всегда было труднее, чем подниматься. Подумав об этом, он посмотрел на свои недавно купленные заграничные коричневые туфли. «Что-то останется от них, когда мы будем у подножья?»

Но вниз не пошли. И руки Дорошкина остались несвязанными.

Недалеко от камня, где только что был обед, старший укрепил вытащенную из-за спины деревянную вешку, потом подошел к Дорошкину, слегка и недолго помассажировал ему плечи, потом, взяв за руку, отвел на несколько шагов назад. И, указав на вешку, вдруг громко командовал:

– Прямо! Бегом! Марш!

Дорошкин мигом очутился на краю горы, которая («о, ужас!»), обрывалась бесконечно уходившей вниз каменной стеной. Понимая, что жить ему осталось совсем недолго, он инстинктивно расставил руки и... могучая сила вдруг стремительно понесла его куда-то вверх, мимо неожиданно загоревшихся на небе звезд.

В ушах засвистел воздух, но Василий Егорович все же услышал, как с правого бока полетевший к нему старший приказал:

– Расстегни куртку и сбрось туфли!

Дорошкин куртку расстегнул, но туфли сбрасывать не стал – пожалел.

Минут через двадцать сели на зеленую, украшенную разноцветными клумбами, ровную каменную площадку. Приземлившись, Дорошкин первым делом хотел было поинтересоваться, куда это они прибыли, но старший опередил его, объявив:

– Конечная остановка.

Вправо и влево уходила длинная, сложенная из больших гранитных камней стена. Ее прерывала высокая арка, похожая на те, что строили древние люди, когда хотели сохранить в памяти потомков свои триумфальные победы над соседями. На фронтоне арки Дорошкин увидел крупную блестящую на солнце («похоже, сделана из нержавеющей стали») надпись «Главный Суд», ниже красными кирпичами было выложено слово помельче: «Канцелярия». Прочитав надписи, Василий Егорович заробел, потому что всегда боялся судов, хотя и жил, стараясь не нарушать государственные законы, – и те, которые считал не вполне справедливыми, и те, которые были справедливыми, но никогда никем, кроме Дорошкина, не исполнялись.

Заметив на лице нашего героя тень робости, старший подбодрил его:

– Главное, ты там не ври.

– Да я никогда не вру.

Стражник посмотрел в глаза Дорошкина, и тому показалось, что губы старшего дрогнули. «Наверно, не поверил, что не вру. Никто не верит».

Глава вторая

Последнее слово. балалайка

1.

За столом сидел крупный, совершенно лысый, одетый в незнакомую Дорошкину форму мужчина. На нем были голубая мантия и белая рубашка, а там, где полагается быть галстуку, висели яркие, как видно, прошитые золотой нитью желтые тесемочки; на столе лежала похожая на матросскую бескозырку черная шапочка, тоже увенчанная блестящим желтым кантом. Дорошкин подумал, что это, наверно, судья, и ощутил в коленях легкую дрожь. Но мужчина в мантии на стоявшего посреди кабинета Дорошкина посмотрел без злобы и раздражения (без тех как бы по долгу службы полагающихся выражений на физиономии, с которыми встречают клиентов наши отечественные должностные лица). Кивнул на стул, стоявший рядом со столом:

– Снимай куртку, Василий Егорович, проходи, садись.

«Знает, как меня зовут... Кажется, вежливый...»

Дорошкин снял куртку и шапочку с длинным козырьком (они тотчас же куда-то исчезли) и, сев, осмотрелся. В просторном кабинете стены были каменными, а потолок деревянным. С потолка свисала небольшая, но хорошо освещавшая кабинет люстра. На столе судьи, кроме уже упомянутой нами шапочки, лежали только две толстые папки, на одной из которых (серой) Дорошкин, покосившись, прочитал «Жизнь», на второй (черной), она была потоньше, – «Грехи».

Дрожь в коленках усиливалась.

Судья, пошевелившись, поудобнее устроился в кресле.

– Как видишь, Василий Егорович, – он кивнул на папки, – мы о тебе знаем все.

«Зачем тогда привели?» – несильно обидевшись, пожал плечами Дорошкин.

– Поясню: документов, которые содержатся в этих папках, – судья обеими руками приподнял, но тотчас же вернул папки на место, – достаточно, чтобы вынести тебе Справедливый Приговор. Но по нашему регламенту, прежде чем объявить Окончательное Решение, мы обязаны (бюрократическая формальность, Дорошкин!) выслушать твое последнее слово.

– О чем? – дрожь в коленках, кажется, начала утихать.

– О твоей жизни, Василий Егорович.

– Факты?

– Не только.

– О душе?

– Можно и о душе.

Дорошкина успокаивала корректность интонаций и слов судьи.

«Будь что будет...»

– Как мне обращаться к вам? Ваша честь?

– Да, так.

2.

Первый вопрос, подобно параграфам в известных Дорошкину официальных анкетах, здесь, как видно, давно сложился и согласно регламента изменениям не подлежал.

– Каждому человеку, – лицо судьи оставалось серьезным, но не строгим, – Верховной Силой определено Высшее Предназначение. Знал ли ты, Дорошкин, что тебе Предписывалось, и если знал, то как исполнил Верховную Волю?

Обдумывая ответ, Дорошкин вспомнил последнюю ночь и сказанное тогда себе: «жизнь прожита не так»... Но при чем тут Предназначение или чья-то, пусть даже и Верховная, воля? Василий Егорович не верил в Высшую Силу и Предназначение, однако вслух признаваться в этом сейчас побоялся и вместо ответа тоже задал вопрос:

– А как, ваша честь, человек может знать о предназначенном ему?

– Надо слушать Голос.

Смысл этих слов Дорошкин понял приблизительно, впрочем, догадался, что имел ввиду судья.

– Я, кажется, ничего не слышал.

– А мы это сейчас проверим.

Судья склонил голову к лежавшей на столе папке – той, что была потолще, открыл ее и взял в руки лежавшую сверху сложенную в гармошку полоску плотной, желтоватой бумаги. Это был документ, когда-то («о, век назад!») выданный Дорошкину при отъезде из пионерского лагеря.

– Да, это – твоя лагерная книжка. Вот что о тебе писали тогда твои пионерские начальники: «Вася – мальчик умный, хотя и любит прихвастнуть, добрый, хотя и драчливый. Во время военной игры был разведчиком и проявил мужество и находчивость».

Судья вернул документ в папку.

– Военным, Василий Егорович, ты стать хотел, но эта мечта у тебя быстро пропала. Не догадываешься, почему?

– В детстве много легкомысленных желаний.

– Есть желание, которое, возникнув, уже никогда не покидает человека. А та твоя мечта оказалась пустой потому, что подсказывалась она тебе не Голосом, а собиравшейся со всеми воевать властью.

Судья, вздохнув (очевидно, он не одобрял власть, которая пыталась направить Дорошкина по ложному пути), достал из папки еще одну страницу.

– Это – записка врача-психиатра Ефрема Володарского (на записке есть дата 25 октября 1977 года), – еще один совсем не лишний документ для оценки твоей, Василий Егорович, личности: «Пациент Дорошкин все еще нездоров. На днях рассказал мне: «Однажды в детстве я увидел на Луне картину Авилова «Приезд товарища Сталина в Первую Конную армию»: слева снег, санки, на санках будущий генсек в длинной шинели и шапке-ушанке, а справа, поднимаемая белую пыль, мчатся кавалеристы с саблями над головами. Вчера ночью из окна палаты посмотрел на Луну, а там – опять генсек в шапке-ушанке».

– Дурил я голову старому доносчику, – сердито сказал Дорошкин.

Судья отложил документ на край стола.

– Но тебе, Василий Егорович, и в самом деле что-то там виделось на Луне?

– Да, приезд товарища Сталина...

Судья сделал карандашом отметку в блокноте, который неожиданно появился на столе рядом с папками.

– А теперь, Василий Егорович, вспоминай сам, без документов. Не отвлекайся на постороннее, – нас, помни, интересует Голос. Начни с детства, с истоков.

Дорошкин молча стал опускаться к истокам – будто перебирал в ладони густо засоренные злаковые зерна (или, если хотите, будто ныряльщик, облаченный в защитный костюм, осторожно шевелил лапами и медленно устремлялся к таинственному океанскому дну). Судья не торопил...

Причудлива память человека! На всю жизнь запоминается иной ничтожный бытовой штришок и, бывает, напрочь забывается событие *поворотное*... Что помнит человек из пережитого? Что, будто генетически несовместимое, отторгает память? По каким законам в памяти человека просеивается его жизнь? Кто дирижирует этой способностью человека?..

Дорошкин помнил себя лет с пяти.

– В детстве, ваша честь, со мной случались разные истории... Как-то я прицепился к полutorке и держался за какую-то железку возле колес, пока машина не стряхнула меня в пыль; в только что купленном мне белом костюмчике, примерив, но не сняв обновку, убежал с мальчишками на болото ловить лягушек; однажды отец купил катушку тонкой струны для гитары, я расколупал начало катушки, и струна пружиной размоталась в бесполезный клубок... Видите, был я, ваша честь, в детстве вредлив – был из тех, кто, как говорится, ходит не в калитку, а через калитку.

Судья сделал движение рукой, будто смел со стола только что услышанное.

– Все это, Дорошкин, к главному не относится.

...Наконец, Василий Егорович стал вспоминать эпизод, уже начало которого заметно заострило внимание судьи.

– Было мне тогда, наверно, лет шесть-семь. Ночью во сне я вдруг услышал музыку, – не видел ни музыкантов, ни инструментов, только мелодия, которую исполнял оркестр (который я тоже не видел), показалась мне знакомой. Музыка была и приятной, и страшной... Мокрый от холодного пота, я проснулся, разбудил родителей, пересказал им сон и свои страхи. «Будешь музыкантом, сынок», – склонившись над моей кроватью, пошутил тогда отец. Мама же перестелила мою постель, сменила простыни, укрыла одеялом, но никаких прогнозов тогда высказывать не стала... Тот сон, ваша честь, в детстве повторился несколько раз.

Судья подал Дорошкину знак помолчать, встал из-за стола и бесшумно и медленно прошелся по толстой красной дорожке, которой был застелен пол кабинета. Потом вернулся за стол.

– Итак, ты услышал музыку. Вот об этом, пожалуйста, – подробнее.

3.

Миновав Курск, Киев, Смоленск, оставив за собой дымящиеся пепелища и большое число братских могил, война медленно продвигалась на запад.

Небольшой сибирский город, где развернутся события этой главы, повинуюсь режиму военного времени, круглосуточно добывал высококачественный коксовый уголь (в городе было двадцать две шахты), шил обмундирование, производил порох, артиллерийские «самоходки», стрелковые автоматы, делал еще много такого, о чем таким жителям города, как, например, Дорошкин, знать было необязательно.

Вася учился теперь в мужской средней школы номер девять (к тому времени школы в стране разделили на мужские и женские – эксперимент продолжался десятилетие) – большом трехэтажном здании из красного кирпича. И, как и большинство воспитанников этой школы, считал, что ему крупно повезло, потому что возглавлял школу Петр Николаевич Андреев – самая интересная в городе педагогическая личность (Дорошкин тогда еще не знал о второстепенной роли личности в истории).

Директор все время что-то придумывал сверх предписанного учебными программами: в школе был кружок «Стихи и споры о любви и дружбе», издавался «Литературный альманах», были вечера-диспуты, например, на тему «Ум и эрудиция», вечера танцев – на них приглашались ученицы соседней женской школы (мы ниже еще вспомним об этом); летом по таежной реке (тайга начиналась в тридцати километрах от города) школьники ходили в походы на лод-

ках – руководил походами сам директор... В других школах ничего такого не было, и директора тех школ, конечно, понимали полезность инициатив Петра Николаевича, но при этом, оказывается, их смущало, что Андреев «заигрывает с детьми», проявляет «непозволительный либерализм», «злоупотребляет детским доверием», и именно эти свои опасения они подчеркивали в выступлениях с трибун учительских совещаний, а также в доверительных разговорах с начальством.

Петр Николаевич на все это не обращал внимания и продолжал смущать коллег очередными выдумками.

В начале нового учебного года, когда Дорошкин пошел учиться в седьмой класс, директор решил создать в школе струнный оркестр.

Когда-то он окончил местное музыкальное училище и часто выступал в концертах – особенно удачно исполнял на домре «Турецкий марш» Моцарта. Но мысль об оркестре возникла у Петра Николаевича не только из-за любви к музыке; идея окончательно овладела им, когда он узнал, что на складе городского клуба без дела пылится полный комплект струнных инструментов.

...Уже несколько раз Андреев побывал в клубе, где теперь были только кружки вышивания, перелицовки старой одежды и шитья брезентовых тапочек, уже по-всякому – и лестью, и намеками на старую дружбу, и грубыми, в сердцах высказанными упреками, и заведомо невыполнимыми обещаниями – убеждал он заведующего клубом Ивана Михайловича Веткина на время отдать ему струнные инструменты, которые, «не используемые по назначению, рассыплются на складе, потеряют звук и будут съедены если не мышами, то пылью». Но Веткин был неумолим и продолжал стоять на своем.

– Все мои музыканты – на фронте, – устало повторял он. – Победят, придут в клуб, а инструменты – тью-тью... А за расхищение государственной собственности... Я тебя, Петр Николаевич, очень уважаю, но отдать оркестр не имею права. Боюсь.

– Больно труслив ты, Иван Михайлович! Поэтому тебя и на фронт не взяли!

Веткину (как, заметим к слову, и самому Андрееву) было уже шестьдесят шесть лет, и за лишние слова Петру Николаевичу в конце визитов приходилось извиняться.

Договор был заключен, когда Андреев предложил силами школы побелить фасад клуба, а также бесплатно привезти в клуб три подводы угля – в школе с довоенных лет для хозяйственных нужд была лошадь. В тот день в ответ на свои назойливые домогательства директор, наконец, услышал не пустой глубокий вздох, а и (правда, сказанные через силу) слова:

– Пиши расписку, Петр Николаевич: «обязуюсь в целостности и сохранности...»

Покачивая седой головой, Веткин в ту минуту, наверно, думал: «Какое там «в целостности и сохранности»! Эти бесенята из мужской школы за неделю порвут на инструментах все струны, а через месяц расколотят деки даже у контрабаса!»

Но решение им было принято, и передумывать Иван Михайлович не стал. «Дары» Андреева тут никакой роли не сыграли. Клуб и без побелки фасада простоял бы еще не один год, угля же в хозяйственном сарайчике оставалось тонн пять с прошлой, не очень холодной, зимы. Отдать инструменты Веткин решил потому, что сам равнодушный к музыке (у него не было музыкального слуха), он порой до боли в своем добром сердце жалел детей, которые еще недавно приходили в его клуб с нарядами родителями, были чистенькими и причесанными, ели мороженое, смотрели кукольные спектакли, учились рисовать, метко стрелять, рассказывали со сцены стишки, а теперь носились по улицам босыми, неухоженными и голодными.

В тот день школьная лошадедка подвезла к клубу телегу, на которую был погружен полный комплект струнных инструментов.

Инструменты сложили в маленькой комнатке в конце коридора (кто-то на военный манер прозвал комнатку каптеркой). Домры, мандолины, балалайки, две гитары, контрабас и пр. Петр Николаевич сам протер влажной мягкой тряпочкой.

4.

– ...сiju на скамеечке посередине нашей землянки, упираюсь спиной в столбик, подпирающий потолок, держу на коленях балалайку и, дергая за ее нижнюю струну, подбираю мелодию популярной среди нас босяцкой песни «Гоп со смыком». Знали мы, ваша честь, конечно, и другие песни – «Катюшу», «Дан приказ...», но почему-то часто и с особым удовольствием пели босяцкие.

Дорошкин вдруг прервал последнее слово, чтобы поделиться внезапно озарившей его догадкой.

– Всякий человек, – наклонившись к столу, доверительно сообщил он судье, – появившись на свет, делает сначала что-нибудь разрушительное. Научившись ходить, дети вовсе не кидаются что-то по их силам и уму созидать – кидаются ломать, шkodить, хулиганить, и все это – ради куража, удовольствия. Такова природа...

Судья не сердито, однако настойчиво перебил:

– Каким появляется человек на свет и чего в нем от природы больше, а чего меньше, знает только Всевышний. Не об этом у нас разговор, Дорошкин. Вернемся к балалайкам.

Дорошкин не стал спорить.

– Сiju на скамеечке посередине нашей землянки...

Он закрыл глаза и вдруг увидел эту самую землянку – даже на почерневшем от времени столбике, подпиравшем потолок, была хорошо заметна знакомая трещина.

Поселок был построен на окраине города. Ровной цепочкой, слегка приподнявшись над землей, метров на сто тянулось несколько параллельных полос бараков – по пять-шесть в полосе. Строились бараки дешево: бульдозер выкапывал широкую траншею, потом каждой семье вдоль траншеи отмерялось несколько метров, забивался колышек и выдавалась бумажка на право купить на складе строительные материалы. Новоселы сами возводили стены землянок – для этого со склада отпускались старые, подгнившие и просмоленные, железнодорожные шпалы – и из приобретенных на том же складе горбыля и рубероида сооружали крыши, которые укрывали толстым слоем земли. На крышах за лето вырастала высокая трава...

В поселке жили спецпереселенцы – раскулаченные крестьяне. Лет десять назад первыми сюда привезли с Волги татар и башкир, башкир, наверно, было больше, потому что район назвали Башпоселком. Со временем появились здесь и русские семьи. В начале войны в землянке, где уже два года жила Васина тетя Аня (жила с двумя дочерьми, без мужа и работала в бригаде, которая ремонтировала железную дорогу), поселились еще и трое Дорошкиных, эвакуированные из Белоруссии, где наступали немцы (об отце Васи, командире Красной армии, семья к тому дню уже получила извещение: «пропал без вести»).

Поселок располагался на земле, под которой шахтеры выбирали уголь; бараки были обречены со временем провалиться, что и случилось вскоре после войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.